

Тимерханов Айну́р Ахатович, Сабирова Айгу́ль Марсовна

АНТРОПОМОРФИЗМ В ОПИСАНИИ ОБРАЗОВ "НЕЧИСТОЙ СИЛЫ" (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлены некоторые результаты сопоставительного анализа лексико-семантического поля "нечистая сила" (НС) в татарском и английском языках, которые указывают на антропоморфизм как одну из основных черт, присущих образам нечистой силы в изучаемых лингвокультурах. Источниками исследования послужили данные лексикографических трудов. Переводы иллюстративного материала даются в авторской версии. Установлено, что антропоморфизм, характерный для объектов-субъектов взаимодействия с НС, выражается в групповом характере восприятия окружающих объектов; в представлениях об их уникальности и единичности; в убеждении об исключительной важности семейных и кровных уз как неотъемлемой составляющей системы ценностей в контексте исследуемых культур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 163-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

18. Скорнякова С. С. Гендерные стереотипы в средствах массовой информации // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 225-231.
19. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002. 256 с.
20. Страхова А. С. Гендерная дифференциация речи и ее отражение в рекламном тексте во Франции и в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2010. № 4. С. 57-61.
21. Томская М. В. Гендерный аспект социального рекламного дискурса // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Первой международной конференции. М.: МГЛУ, 2001. С. 328-333.
22. Трофимова Е. И. Гендерные исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 178-188.
23. Трофимова Е. И. Женская литература и книгоиздание в современной России // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 147-156.
24. Трофимова Е. И. Терминологические вопросы гендерных исследований в филологических науках // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 178-188.
25. Шерстникова Т. Ю. Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2016» (г. Москва, 1-4 июля 2016 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22). С. 616-631.
26. <https://integrum.ru/> (дата обращения: 26.07.2017).
27. Schaff A. Stereotypy a dziatanie ludzkie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981. 170 s.

**TRANSMISSION OF GENDER STEREOTYPES IN MODERN PUBLICISM
(BY THE MATERIAL OF THE ANALYSIS OF ADVERBS ПО-ЖЕНСКИ /
IN WOMEN'S MANNER AND ПО-МУЖСКИ / IN MEN'S MANNER)**

Xu Shanshan

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg
452055098@qq.com*

The article on the basis of the analysis of adverbs «по-женски» / “in women’s manner” and «по-мужски» / “in men’s manner” functioning in the texts of mass media considers a set of gender stereotypes, which are fixed in the modern mass consciousness. It is shown that stereotypical ideas can be based both on objective biological properties (male strength, female weakness, high / low voice, etc.), and on qualities that are attributed to men and women by the symbolic culture of the society. The mass media, in addition to reflecting existing stereotypical ideas, influence the creation of new gender stereotypes.

Key words and phrases: texts of mass media; gender stereotypes; adverbs «по-мужски» / “in men’s manner” and «по-женски» / “in women’s manner”; gender asymmetry; anti-masculinity; anti-womanhood.

УДК 811.512.145'373

В статье представлены некоторые результаты сопоставительного анализа лексико-семантического поля «нечистая сила» (НС) в татарском и английском языках, которые указывают на антропоморфизм как одну из основных черт, присущих образам нечистой силы в изучаемых лингвокультурах. Источниками исследования послужили данные лексикографических трудов. Переводы иллюстративного материала даются в авторской версии. Установлено, что антропоморфизм, характерный для объектов-субъектов взаимодействия с НС, выражается в групповом характере восприятия окружающих объектов; в представлениях об их уникальности и единичности; в убеждении об исключительной важности семейных и кровных уз как неотъемлемой составляющей системы ценностей в контексте исследуемых культур.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; английский язык; антропоморфизм; мифологический образ; нечистая сила.

Тимерханов Айну́р Ахатович, д. филол. н., доцент
*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
tmtako22@mail.ru*

Сабирова Айгуль Марсовна
*Нижнекамский педагогический колледж
sabira16@yandex.ru*

**АНТРОПОМОРФИЗМ В ОПИСАНИИ ОБРАЗОВ «НЕЧИСТОЙ СИЛЫ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Обзор специальных трудов, выполненных в рамках функционально-семантического подхода к исследованию мифологических персонажей, указывает на детальное, максимально приближенное к жизни человека

описание их функциональных особенностей. Подобный антропоморфизм, очевидно, объясняется тем, что человек сам является создателем мифологической системы, которая строится по подобию человеческого общества. Данное предположение подтверждается самостоятельными результатами многих исследований, в частности Я. Коблова, Ю. М. Соколова, Р. Г. Ахметьянова, И. В. Кирилловой и др., охватывающих большой хронологический отрезок. Ключевыми факторами, влияющими на облик мифологической системы, являются образ жизни, порядки и традиции, принятые в человеческом обществе, мифологические, обрядово-ритуальные и другие представления народа [2, с. 48], его творчество и фантазия [3, с. 1]. Например, в период земледельческой родовой коммуны дух-хозяин представлялся в образе деда, так как в родовой коммуне все подчинялись старшему, т.е. деду [5, с. 129-130]. Следовательно, описание мифологических образов, их свойств и характерных черт, в т.ч. антропоморфных, в контексте исследования религиозно-языковой картины мира способствует расширению наших представлений об истории, условиях жизни носителей языка [1, с. 5], а в сопоставительном аспекте – создаёт базу для анализа культурных особенностей близкородственных и неблизкородственных народов, связанных или отдалённых территориально. Полученные данные могут представлять большой интерес и значимость для лучшего осознания общих, универсальных, и уникальных культурно-ценностных ориентиров носителей данных языков, отражающих их многовековую эволюцию, учёт которых может оказаться весьма полезным и в деле более эффективного противодействия глобализационным процессам через сохранение и укрепление тем самым национально-языковой идентичности.

Так, результаты нашего исследования на материале двух языков – татарского и английского, где фокус внимания направлен на описание образов «нечистой силы» (далее – НС), а антропоморфизм определяется как одна из их основных характерных черт, позволяют сделать выводы о некоторых особенностях взаимодействия в человеческом обществе. Источниками анализируемого материала послужили следующие лингвографические справочники: по татарскому языку – *Миллят сүзлеге: аңлатмалы сүзлек* [4], *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге* [6], *Татар теленең зур диалектологик сүзлеге* [7], *Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек* [10-12]; по английскому языку – *Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии: лингвострановедческий словарь* [9], *Учебный словарь современного английского языка* [13], *A Dictionary of English Folklore* [15], *Longman Dictionary of Contemporary English* [14].

Промежуточные выводы исследования сводятся к трём основным моментам. Во-первых, антропоморфизм, выявленный в описании объектов-субъектов взаимодействия с НС, свидетельствует о восприятии окружающих объектов как группы на основании тех или иных общих признаков. В татарском языке фактами, подтверждающими данную особенность, являются описания множественности объектов и организованности групп (*халык* ‘народ’, *кавем* ‘племя’), вероисповедования, например упоминания мусульман, христиан, язычников (*мөселман динен кабул иткәннәр* ‘принявшие ислам’, *мәжһүсилек* ‘язычество’); национальности, например ссылки на марийцев; происхождения от положительных сверхъестественных существ (*Алла тарафыннан яратылган* ‘сотворённые Аллахом’); характера выполняемых действий (*бер төркөмгә кешеләргә вак-төяк явызлыклар эшләп торса, икенчеләре яхшылыклар гына кыла икән* ‘если одна группа устраивает людям мелкие неприятности, другая творит только добро’). В английском языке объединяющими признаками являются деление по рангам, где выделяют высший (*supreme*, *chief* ‘главный, ведущий, верховный’) и низший (*subordinate*, *minor* ‘второстепенный’) статусы, и разграничение по сферам деятельности (*apply their expertise to... any type of machinery* ‘применяют своё мастерство к любому виду механизма’, *a subspecies of goblin* ‘подвид гоблина’ и т.д.).

Во-вторых, антропоморфизм, характерный объектам-субъектам взаимодействия с НС, выражается в описании свойств, которые в представлении носителей анализируемых языков указывают на уникальность и единичность объектов среди других подобных. Здесь можно выделить следующие группы субъектов.

1. *Люди, обладающие знаниями о мире сверхъестественных явлений, в т.ч. и о НС.* В татарском языке к таковым относятся люди, обладающие магическим предметом (*Сөләйман йөзегенә ия булган* ‘ставший обладателем кольца Соломона’); люди, связанные с НС, верящие в волшебство (*могжиза кадерен белүче* ‘ценящий волшебство’), обладающие знаниями о НС и знающие её слабые места, способные толковать волю сверхъестественных существ (*пәйгамбәр* ‘пророк’), понимающие языки живой природы и стихий (*кошлар, дулкыннар... телен аңлый* ‘понимает язык птиц, волн’), обладающие знаниями ритуалов изгнания НС и средств воздействия на неё (*дога-гыйбадәт кылырга кирәк* ‘нужно молиться, преклоняться’, *әшәкә сүзләр белән сүгенергә кирәк* ‘нужно браниться, сквернословить’). В английском языке это люди, обладающие магическими навыками (*magicians* ‘волшебники’) и знаниями о ритуалах защиты от НС, например особые способы погребения (*staked or buried face down* ‘посажен на кол или похоронен лицом вниз’); определяющие время снижения и повышения активности НС, например во время религиозных праздников (*Good Friday* ‘Страстная, Великая Пятница’, *during baptism* ‘во время крещения’); *The powerful Devil features in accounts of sinister and inexplicable events like the apparition of the Mowing Devil or the Black Dog* ‘могущественный дьявол фигурирует в сообщениях о злоевещих и необъяснимых событиях, таких как появление дьявола на сенокосе или призрака чёрной собаки’).

2. *Люди, занимающиеся определённой деятельностью.* В обоих анализируемых языках к таковым относятся люди, занятые охраной и защитой населения (тат. *батыр* ‘богатырь, герой’, *саклап торганда* ‘во время охраны’ / англ. *airmen* ‘лётчики’); люди, занимающиеся хозяйственно-бытовой деятельностью (тат. *аш пешереп торучы* ‘домработница, повар’, *балыкчы* ‘рыбак’ и т.д. / англ. *farmer* ‘фермер’, *nutting* ‘сбор орехов’, *hunting* ‘охота’, *sewing* ‘шитьё’ и т.д.); люди, занятые определённой профессиональной деятельностью (тат. *кендек әбисе* ‘повивальная бабка’ / англ. *craftsman* ‘ремесленник’, *carter* ‘ломовой извозчик, возчик’); также люди, занятые в «индустрии развлечений» (англ. *playing ball* ‘играющие в мяч’, *reading... fairy tales* ‘читающие сказки’).

3. *Люди определённого физического состояния.* В обоих языках к таким относятся люди, ослабленные физически и морально, следовательно, вероятно, наиболее уязвимые внешнему воздействию. В татарском языке это – беременные (*йөклә хатыннар*), одинокие (*ялгыз торган кешеләр* ‘живущие в одиночестве’), мёртвые (*көчләп үтерелгән кешеләр* ‘убитые люди’); в английском языке – живые (*living people* ‘живые люди’), слабые (*weak... humans* ‘слабые люди’), употребляющие алкоголь (*drinking* ‘пьющие’).

4. *Люди, находящиеся в определённом эмоциональном состоянии.* В татарском языке это те, кто испытывает положительные (*гашиьк булган* ‘влюблённый’) или отрицательные эмоции (*гел сагынып, кайгырып көтөп яшигән* ‘живущий в постоянном ожидании, мучительной тоске’, *курыккан бала яки хатын-кыз* ‘испуганный ребёнок или женщина’), в английском – только отрицательные, особенно эмоции, вызываемые ссорой (*the vicar and churchwardens quarrelled... the Devil carried them down to Hell* ‘приходской священник и церковный староста ссорились... дьявол унёс их в ад’).

5. *Люди с определёнными чертами характера.* В татарском языке это люди с положительными (*яхшы кеше* ‘хороший человек’, *тәүфыйклы яшь кыз* ‘послушная, воспитанная девушка’, *йомшак күңелле* ‘незлобный, сердечный’) или отрицательными (*куркак* ‘пугливый’) чертами, а в английском – люди только с отрицательными чертами (*naughtiness* ‘непослушание’, *mean* ‘жадный’, *suicides* ‘самоубийцы’).

6. *Люди, обладающие определённым социальным статусом.* В татарском языке это люди с высоким статусом (*хан, султан, патша* ‘хан, правители’ и члены их семей), а в английском – люди состоятельные, власть имущие (*rich* ‘богатый’) или не обладающие никаким статусом (*marginalized humans* ‘маргинальные, второстепенные люди’).

7. *Люди, обладающие исключительно привлекательной внешностью* (тат. *гузәл, сөлу* ‘красивая’).

В-третьих, антропоморфизм, выявленный в описании объектов-субъектов взаимодействия с НС, связан с системой ценностей, которые имеют исключительно важное значение в контексте исследуемых культур. В обоих анализируемых языках данные анализа указывают на значимость семейных и кровных уз. В татарском языке об этом свидетельствуют упоминания в описаниях лексико-фразеологического материала с демонологической семантикой жён, мужей и других членов семьи (*гаилә мөнәсәбәтләре* ‘семейные отношения’, *жария* ‘наложница’, *килен* ‘сноха’, *кыз, ул* ‘дочь, сын’ / *апалы-сеңелле, агай-эне* ‘брат, сестра’), родителей (*ана, ата* ‘мать, отец’), предков (*бабалар* ‘деды, пращурь’), а в английском языке – людей, находящихся в браке (*newly married couple* ‘молодожёны’), родственников (*kinsmen*) и вдов (*widows*).

Таким образом, выводы наших изысканий указывают на целый набор универсальных черт в восприятии и интерпретации мифологических образов, прежде всего образов НС, в татарской и английской лингвокультурах, которым в значительной степени характерен антропоморфизм. «Человек представляется эталоном практически всех явлений, окружающих его. Тем логичнее выглядит деление мира на своё и чужое, отражающее общую тенденцию мировосприятия людей прошлого и современности. Своё – это антропоморфное, т.е. то, что применимо к человеку» [8, с. 60], а чужое – это всё то, что часто не вписывается в рамки человеческого понимания мироустройства, это другие живые существа, природные явления, состояния, «которые так или иначе всегда влияли и продолжают влиять на мир людей» [Там же, с. 61].

Источником приписываемого образом НС в разных культурах и представлениях людей свойства сверхъестественности выступает человеческая реакция в форме удивления или страха, граничащего часто с суеверным страхом, на непонятные, необъяснимые с позиции человеческого разума состояния, проявления окружающего мира, т.к. человеку неясны причины, условия и обстоятельства возникновения таких состояний и явлений. Тем не менее и сверхъестественность образов НС, согласно лингвокультурологическим данным на материале татарского и английского языков, интерпретируется в преломлении на самого человека. Например, долголетие, свойственное НС, олицетворяет людей, доживших до преклонного возраста вопреки свирепствовавшим в прошлом болезням, войнам и суровым условиям жизни; внешность НС, сочетающая в себе части тела различных существ, есть воплощение людей с различными физическими аномалиями, следовательно, выделяющихся своими «сверхъестественными» способностями.

На эти выводы, что вполне ожидаемо, указывают результаты и ряда других исследований, согласно которым мифологические образы в различных культурах схожи по причине «культурно-исторических связей, общности человеческой культуры, психики и мышления» и как результат «одинаковых путей развития человеческой культуры» [5, с. 63]. Тем самым подтверждается мысль о вымышленности образов НС и их проектировании по подобию человека-создателя. Вместе с тем остаётся открытым вопрос о более глубоких мотивах, если таковые вообще имеют место быть, «присваивания» антропоморфных черт, как положительных, так и отрицательных, сверхъестественным мифологическим персонажам и образам НС. Вероятно, объяснение тому следует искать не столько в творческом воображении человека, сколько в человеческом восприятии, интерпретации и отражении окружающего мира под влиянием сформировавшейся на протяжении столетий и продолжающей эволюционировать системы ценностей и антиценностей, мировоззренческих ориентиров, принятых в данной конкретной культуре.

Список источников

1. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Ашмарин Н. И. Введение в курс чувашской словесности // Исследования по чувашскому фольклору: сб. статей. Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1984. С. 3-48.
3. Коблов Я. Мифология казанских татар. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. 49 с.

4. **Миллият сүзлеге: анлатмалы сүзлек** / төзүче-авторы Адлер Тимергалин. Казан: Мәгариф, 2007. 575 б.
5. **Соколов Ю. М.** Русский фольклор. М.: Учпедгиз, 1941. 559 с.
6. **Татар теленең анлатмалы сүзлеге** / Ф. Ә. Ганиев ред. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
7. **Татар теленең зур диалектологик сүзлеге** / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.
8. **Тимерханов А. А., Сабирова А. М.** Бинарная оппозиция «антропоморфность – сверхъестественность» (на примере лексико-семантического поля «Нечистая сила») // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 2. С. 56-63.
9. **Томахин Г. Д.** Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии: лингвострановедческий словарь. М.: АСТ-ПРЕСС, 2003. 720 с.
10. **Урманче Ф. И.** Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Мәгариф, 2008. 1 т. А-Г. 303 б.
11. **Урманче Ф. И.** Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Мәгариф, 2009. 2 т. Д-С. 343 б.
12. **Урманче Ф. И.** Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. 3 т. С-Я. 199 б.
13. **Хорнби А. С., Гэтенби Э. И., Уэйкфилд Г.** Учебный словарь современного английского языка. М.: АСТ, 2001. 1568 с.
14. **Longman Dictionary of Contemporary English.** Third edition with new words supplements. UK: Pearson Education, Limited, 2001. 1668 p.
15. **Simpson J., Roud St.** A Dictionary of English Folklore. N. Y.: Oxford University Press, 2000. 411 p.

**ANTHROPOMORPHISM IN THE DESCRIPTION OF IMAGES OF THE “DEVILRY”
(BY THE MATERIAL OF THE TATAR AND ENGLISH LANGUAGES)**

Timerkhanov Ainur Akhatovich, Doctor in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
timtako22@mail.ru

Sabirova Aigul' Marsovna
Nizhnekamsk Pedagogical College
sabira16@yandex.ru

The article presents some results of the comparative analysis of the lexical-semantic field “devilry” in the Tatar and English languages which indicate anthropomorphism as one of the main features inherent in the images of evil spirits in the investigated linguocultures. The sources of the study are data from lexicographic works. The translation of the examples has been done by the authors. It is established that anthropomorphism typical of objects and subjects interacting with the devilry is expressed through the following: the group nature of perception of the surrounding objects; the understanding of their uniqueness and singularity; the belief in the exceptional importance of family and blood ties as an integral part of the value system in the context of the studied cultures.

Key words and phrases: Tatar language; English language; anthropomorphism; mythological image; devilry.

УДК 811

В статье исследуются типы семантической модификации заимствованных слов в процессе заимствования экономической лексики из английского языка в русский, а именно: сужение, расширение, сдвиг значения, а также отсутствие изменений значений в смысловой структуре заимствованной единицы в языке-реципиенте. Статья анализирует особенности и причины активности типов модификации на разных этапах модификации заимствованного слова.

Ключевые слова и фразы: заимствование; семантическая модификация; сужение значения; расширение значения; сдвиг значения; язык-донор; язык-реципиент; экономическая лексика.

Трифорова Наталия Семеновна, к. филол. н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
n_trifonova@aaanet.ru

**МОДИФИКАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ЗАИМСТВОВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИЙ**

Заимствование является одним из распространенных средств пополнения словарного состава языка. Заимствование слов – естественный процесс, который отражает отношения (политические, военные, экономические, культурные) между народами в разные периоды их истории [6, с. 161].

В настоящий момент русский язык переживает бум заимствования единиц в основном из английского языка. Активно заимствуется лексика разных языковых стилей и разных областей знаний, деятельности и существования общества. Безусловно, процесс глобализации, затрагивающий все сферы жизни, играет здесь ключевую роль, выдвигая английский язык, признанный языком международного общения, в качестве языка-донора на первое место. Кроме того, английский язык (как аналитический) более терминологичен и зачастую